

УДК 81'272

DOI: 10.18384/2310-712X-2015-4-232-240

Селиверстова О.А.*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых***ВНЕШНЯЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА КАК НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ
КОМПОНЕНТ КОНЦЕПЦИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»:
СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В статье рассматривается внешняя языковая политика как компонент политики «мягкой силы». Автор изучает опыт РФ, КНР и США в продвижении языка и культуры с позиций концепции «мягкой силы». В основе исследования лежит анализ русскоязычных и англоязычных аналитических, научных и публицистических работ по соответствующей тематике. Проведя сравнительный анализ мероприятий внешней языковой политики РФ, КНР и США, автор описывает субъекты и инструменты внешней языковой политики. Проведённое исследование позволяет заключить, что при схожести целей внешняя языковая политика РФ, КНР и США различается по степени централизации, а также использованию инструментов.

Ключевые слова: языковая политика, языковое планирование, внешняя политика, «мягкая сила».

O. Seliverstova*Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs***INTERNATIONAL LANGUAGE POLICY AND PLANNING AS AN INTEGRAL
COMPONENT OF “SOFT POWER” CONCEPT: COMPARATIVE VIEW**

Abstract. International language policy and planning as a component of the “soft power” concept are described in the article. The author studies experience of the RF, the USA and the PRC in promoting their language and culture abroad and explores reasons of the English language popularity. In this paper, analysis of analytical and scientific books, op-ed pieces and official documents is presented. After comparative study of actions within language policy undertaken by the RF, the PRC, and the USA the author describes subjects and tools of international language policy and planning.

Key words: language policy, language planning, international (foreign) policy, “soft power”.

Языковая политика и планирование всегда были и остаются эффективными инструментами решения ряда задач внутренней и внешней политики. В современных геополитических условиях большое внимание приковано к политике России, Китая и США.

© Селиверстова О.А., 2015.

При этом Россия, традиционно играя роль связующего звена между «западной» и «восточной» цивилизацией, стоит перед необходимостью выработки сбалансированных отношений с обоими партнёрами. В такой ситуации важна взвешенная языковая политика как внутри государства, так и

за его пределами. В современной лингвистике выделяют 3 уровня языковой политики и языкового планирования: 1) в области корпуса языка; 2) в области статуса языка (предложен в 1969 г. Хайнцем Клоссом); 3) в области овладения языком (предложен в 1989 г. Робертом Купером). Однако, на наш взгляд, указанная трёхкомпонентная структура языковой политики и языкового планирования может быть дополнена четвёртым компонентом – политикой в области распространения языка за пределами государства, иными словами, внешней языковой политикой.

Рассмотрение «межгосударственного компонента» языковой политики берёт своё начало в работах выдающихся отечественных лингвистов и находит своё продолжение в трудах современных учёных. Так, Ю.Д. Дешериев упоминал о «лингвистических проблемах в межгосударственных отношениях, которые могут быть решены только путём осуществления определённой языковой политики» [1, с. 266]. А.Д. Швейцер утверждал, что «языковая политика в определённых условиях может быть не только частью внутренней политики в том или ином государстве, <...> но и частью их курса по отношению к другим государствам» [12, с. 130]. По мнению Р.И. Хашимова, языковая политика является не просто частью внешней политики, а «средством, орудием воздействия государства на общество, <...> межнациональные и межгосударственные отношения» [11, с. 6]. Несмотря на то, что в отечественной социолингвистике значительное место уделялось исследованиям в сфере формирования языковой политики, очевидна необхо-

димость дальнейшего изучения вопросов, связанных с практической реализацией концепции языковой политики и внесением в неё изменений, необходимых в новых социально-экономических и геополитических условиях.

В последние несколько лет вопросы внешней языковой политики приобретают всё большую актуальность, и на смену отдельным мерам, предпринимаемым государствами в этом направлении, приходит целенаправленная многоплановая внешняя языковая политика. Изучение данного вида языковой политики с позиций целей, субъектов и инструментов, а также её соотношение с набирающей всё большую популярность концепцией «мягкой силы» представляется интересной областью исследований.

Целью настоящей статьи является изучение потенциала языковой политики как неотъемлемой составляющей политики «мягкой силы» на примере анализа комплекса мероприятий, проводимых в РФ, КНР, США. Указанная цель предполагает решение следующих исследовательских задач: 1) анализ концепции и понятия «мягкая сила»; 2) изучение целей, субъектов и инструментов внешней языковой политики на основе анализа опыта нескольких государств (РФ, КНР, США); 3) выявление разных типов внешней языковой политики; 4) определение роли и места внешней языковой политики в политике «мягкой силы».

Научная новизна исследования состоит в описании внешней языковой политики как полноценного компонента в структуре комплексного понятия «языковая политика и планирование», её целей, субъектов и потенциальных возможностей.

Теоретико-методологическую основу исследования составили следующие источники: 1) работы отечественных и зарубежных специалистов в сфере изучения социолингвистических проблем формирования языковой политики (А.Д. Швейцер, Л.Б. Никольский, Ю.Д. Дешериев, Р.И. Хашимов, Дж. Крофорд); 2) научные, публицистические статьи и информационные ресурсы, посвящённые реализации внешней языковой политики РФ, США и КНР (А.В. Бояркина, О.И. Завьялова, Д. Кристал); 3) работы, посвящённые теоретическим основам концепции «мягкой силы», а также анализу её практической реализации на примере опыта отдельных стран (О.Ф. Русакова, Дж. Най, Дж. Джилл, Дж. Курляндчик). Эмпирической базой исследования послужили официальные нормативно-правовые документы, статистические и фактические данные, представленные на официальных сайтах министерств, ведомств и общественных организаций, задействованных в решении вопросов языковой и внешней политики.

Актуальность выбранной для исследования темы обусловлена как необходимостью дальнейшей разработки теории языковой политики, с учётом меняющейся социально-политической и геополитической ситуации, так и важностью изучения потенциала и инструментов «мягкой силы», имеющихся в распоряжении РФ, к которым, несомненно, относится распространение языка.

Понятие «мягкая сила» было введено в оборот профессором Гарвардского университета Джозефом Наем в 1990 г. в книге «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» [18]. Он опре-

деляет **мягкую силу** как «умение добиваться желаемого не принуждением или вознаграждением, а привлекательностью» [19], которую он связывает с культурой, общественно-политическими ценностями государства и внешней политикой. Современная концепция «мягкой силы» включает следующие компоненты: 1) экономика (показатели экономической привлекательности, включая инвестиционную); 2) гуманитарный капитал (привлекательность системы общего и университетского образования, научной и технологической деятельности); 3) инструменты культурного влияния (международное признание значимости и величия культурного наследия страны, политика популяризации национальной культуры, расширение межкультурных коммуникаций); 4) политика – система показателей уровня развития институтов политической демократии и защиты прав человека; 5) дипломатическая репутация страны [9, с. 120]. В указанной структуре не нашёл отражение потенциал языка, а между тем распространение языка может быть эффективно использовано в политике «мягкой силы».

Для России использование «мягкой силы» становится сегодня особенно актуальным, поскольку, по словам В.В. Путина, «образ России за рубежом искажён». Продолжая свою мысль, президент отметил, что «... по части использования новых технологий, например, так называемой «мягкой силы», есть над чем подумать» (цит. по: [4]), подчёркивая, что «не задействован в полной мере фактор русского языка» (цит. по: [4]).

Началом работы по продвижению русского языка можно считать создание в 1966 г. Научно-методического

центра русского языка при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, преобразованного в 1973 г. в Институт русского языка имени А.С. Пушкина, а также образование в 1967 Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), целью деятельности которой стало «распространение, популяризация, сохранение, развитие и изучение русского языка и литературы как важнейшей составной части мировой культуры» [3, с. 7].

На сегодняшний день *целями* продвижения русского языка на мировой арене можно считать «привлечение внимания зарубежной общественности к русскому языку, а также расширение условий для его изучения, что будет способствовать усилению российского влияния, формированию положительного образа страны за рубежом, повышению её международного авторитета и, в конечном счёте, защите геополитических интересов России» [8, с. 3]. Указанные цели в значительной степени соответствуют целям, традиционно относящимся к политике «мягкой силы», что может свидетельствовать о признании потенциала внешней языковой политики в реализации концепции «мягкой силы». Важнейшими *инструментами* внешней языковой политики являются: 1) продвижение языка и культуры за рубежом; 2) продвижение образования на языке; 3) работа с соотечественниками, проживающими за рубежом.

Субъектами внешней языковой политики РФ в рамках указанных направлений работы являются различные правительственные и общественные организации, реализующие цели государства в соответствующей сфере

через комплекс мероприятий. Работа по *продвижению языка и культуры*, а также *образования на языке* требует консолидированных усилий специалистов различных направлений и уровней. Для *координации* работы по этим направлениям в России существует Совет по русскому языку при Правительстве РФ, созданный в 2013 г. [7]. Это совещательный орган, целями которого являются «рассмотрение ключевых вопросов в области государственной поддержки и развития русского языка и выработка предложений по совершенствованию государственной политики в указанной сфере» [5, с. 1]. В Совет по русскому языку вошли представители Госдумы, МИДа, Минобразования, Минкультуры, Россотрудничества, научных, образовательных, творческих и деловых организаций. Для реализации мероприятий языковой политики по распространению языка очевидна необходимость единого научно-методического центра, роль которого в РФ выполняет Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина. Кроме того, существует сеть из 95 Русских Центров по продвижению русского языка и культуры в 44 странах, координируемая фондом «Русский мир». Фонд был создан в 2007 г. указом Президента РФ. В числе направлений деятельности Фонда «Русский мир» – реализация многочисленных грантовых программ по различным направлениям, проведение олимпиад и конкурсов по русскому языку, работа по подготовке и изданию научной, художественной и публицистической литературы и развитию библиотек, реализация образовательных программ «Профессор Русского мира» и «Студент Русского мира».

Реализация внешней языковой политики через *взаимодействие с соотечественниками, проживающими за рубежом*, координируется Россотрудничеством, созданным в 2008 г. как Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. В его задачи, в числе прочих, входит содействие «продвижению на мировой рынок образовательных услуг российских образовательных учреждений», обеспечение работы «по популяризации русского языка за рубежом» [5]. Именно с работой Россотрудничества связывают основные надежды по реализации политики «мягкой силы» – в целом и продвижению русского языка и культуры – в частности. С 2011 г. Россотрудничество является государственным заказчиком федеральной целевой программы «Русский язык» на 2011–2015 гг., направленной на «поддержку, сохранение и распространение русского языка, в том числе среди соотечественников, проживающих за рубежом» [6, с. 10]. В продолжение работы по указанному проекту был одобрен Проект ФЦП «Русский язык» на 2016–2020 гг. При сохранении преемственности с ФЦП «Русский язык» на 2011–2015 гг. Программа направлена на «укрепление и распространение русского языка», в том числе за счёт потенциала международного сотрудничества; на «продвижение русского языка и образования на русском языке под единым брендом «Институт Пушкина»; на «расширение мер поддержки и стимулирования инициатив соотечественников» [8, с. 7].

В 2011 г. в российском МИДе была

разработана концепция «Русская школа за рубежом». Она предусматривает открытие за границей школ четырёх типов. Первый тип – это обычные общеобразовательные школы, обучение в которых ведётся по российским программам; их выпускники по результатам государственных экзаменов получают государственные дипломы. Школы второго типа создаются на основе межгосударственных договоров – это школы с преподаванием на русском языке, где лишь часть программ являются российскими, а их выпускники получают как российский диплом, так и диплом страны проживания. Третий тип – это школы (или классы), где преподавание будет вестись только по-русски по образовательным программам страны проживания с последующим получением документа об образовании этой страны и возможностью сдать также российские экзамены и получить диплом РФ. Школы четвёртого типа – это организации дополнительного образования, с преподаванием отдельных предметов на русском языке. К сожалению, этот проект на настоящий момент не реализован. Одной из причин такого положения дел считают слишком большое количество организаций, занятых в разработке проекта: Минкультуры, Минобрнауки, МИД и Россотрудничество, – что затрудняет координацию и решение организационных вопросов [2]. Кроме того, идея открытия школ, работающих по российским стандартам, представляется нежелательной или даже недопустимой в ряде государств [10].

Как показывает проведённое исследование, работа по использованию «языкового ресурса» в реализации политики «мягкой силы» находит-

ся сегодня в центре внимания, о чём свидетельствует количество проектов и организаций, занимающихся соответствующими вопросами, а также серьёзные объёмы финансирования, выделяемые на эти цели. Однако работа в этом направлении ведётся сравнительно недолго, и её результаты можно будет оценить спустя несколько лет.

«Языковой ресурс» как инструмент «мягкой силы» активно используется и в КНР. О значении продвижения китайского языка в мире говорится на официальном сайте министерства образования КНР: «Обучение китайскому языку как иностранному – <...> имеет стратегическое значение для популяризации китайского языка и культуры в мире, для содействия дружбе и взаимопониманию, экономическому и культурному сотрудничеству и обмену между Китаем и другими странами во всём мире, а также усилению влияния Китая в международном сообществе» [13] (*перевод наш.* – О.С.). Ещё более конкретно о потенциале распространения китайского языка в укреплении мягкой силы КНР высказался депутат Всекитайского собрания народных представителей Ну Юцзинг: «Это может помочь в формировании национальной мощи и должно восприниматься как способ укрепления мягкой силы нашей страны» [17, с. 67].

Инструментами внешней языковой политики КНР являются 1) создание условий для обучения иностранных студентов в КНР; 2) продвижение китайского языка и культуры во всём мире; 3) поддержка соотечественников, проживающих за рубежом. В роли **субъекта** внешней языковой политики Китая выступает Государственный департамент по распро-

странению китайского языка за рубежом, Ханьбань, представляющий собой «исполнительную структуру Совета по вопросам китайского языка в мире (Chinese Language Council International), неправительственной некоммерческой организации при Министерстве образования» [21], в состав которой входят представители 12 министерств и ведомств. Ханьбань ведёт работу по всем направлениям внешней языковой политики, выполняя также функции научно-методического центра, центра языкового тестирования, центра международных обменов, стипендиального фонда, и территориальные подразделения, курирующие сеть культурно-языковых центров – Институтов Конфуция. Реализация внешней языковой политики через *взаимодействие с соотечественниками, проживающими за рубежом*, координируется Канцелярией Госсовета КНР по делам хуацяо в Китае. В 1987 г. был создан Национальный центр обучения китайскому языку как иностранному, задачей которого стало «обеспечение учебных ресурсов и услуг для изучения китайского языка и культуры, максимальное соответствие потребностям изучающих китайский язык за рубежом, содействие становлению культурного многообразия и гармонии в мире» [16, с. 118] (*перевод наш.* – О.С.).

Результаты использования Китаем всех инструментов «мягкой силы», включая внешнюю языковую политику, могут быть проиллюстрированы статистическими данными. Так, количество иностранных студентов, получающих образование в КНР, увеличилось с 43000 в 1998 г. до 377054 в 2014 г. [14]. За 10 лет работы по созданию

культурно-языковых центров были открыты 443 Института Конфуция и более 648 Классов Конфуция. Указанные данные свидетельствуют о возросшем интересе к китайскому языку и культуре, а следовательно, об эффективности использования «мягкой силы» и внешней языковой политики. Опыт КНР показывает, что внешняя языковая политика может иметь серьёзный потенциал как инструмент политики «мягкой силы».

Сопоставление опыта РФ и КНР позволяет сделать вывод о том, что при сходстве целей и инструментов внешней языковой политики, организационная структура субъектов языковой политики двух государств имеет существенные различия. Так, для КНР характерна значительная степень централизации, при которой вся полнота полномочий по выработке и реализации концепции внешней языковой политики принадлежит одной организации – Государственному департаменту по распространению китайского языка за рубежом, – имеющей чёткую структуру и распределение сфер ответственности. В РФ при значительной степени централизации в выработке концепции языковой политики вопросы практической реализации находятся в сфере компетенции различных организаций и структур, как правительственных, так и общественных. Крайнюю степень децентрализации внешней языковой политики можно наблюдать на примере США.

Характеризуя языковую политику США, говорят о «политике отсутствия политики» («policy not to have a policy» [17, с. 10]), и распространение английского языка в мире связывают именно с политикой Соединённых Штатов не

столько в сфере языкового планирования, сколько в области культуры, экономики, технологии и т.д. Анализируя причины популярности английского языка, Дэвид Кристал в книге «The Language Revolution», выделяет **геополитические** и **исторические** предпосылки, к первым из которых он относит потребность в языке международного общения; ко вторым – **политические, экономические, технологические** и **культурные** предпосылки [15].

Все перечисленные предпосылки в полной мере соответствуют концепции мягкой силы Дж. Ная, в соответствии с которой «мягкая сила» США включает три компонента: 1) привлекательность американской культуры и образа жизни; 2) принципы и ценности политической системы США; 3) дипломатические усилия по разрешению политических кризисов и конфликтов.

Говоря о **субъектах** «мягкой силы» США, отметим, что решающую роль часто отводят не правительству, а именно гражданскому обществу в самом широком смысле [20], которое во многом и определяет успех первых двух компонентов американской «мягкой силы» – привлекательность американской культуры и образа жизни, а также принципов и ценностей. Так, по замечанию Дж. Ная, «большая часть американской мягкой силы обеспечивалась Голливудом, Гарвардом, компанией Майкрософт и Майклом Джорданом» [20] (*перевод наш. – О.С.*). Тем не менее, нельзя недооценивать роль государства в реализации своих интересов в области применения «мягкой силы». Наиболее ярким примером «мягкой силы», исходящей от

правительства, считают План Маршала, который позволил сформировать в Европе надёжного союзника США. К *субъектам* внешней языковой политики США можно отнести: 1) правительственные, общественные и религиозные организации в разных странах, занимающиеся распространением английского языка и американских культурных ценностей (Информационное агентство США – USIS, Корпус мира, Летний институт лингвистики – SIL International); 2) правительственные и частные организации, предоставляющие гранты и стипендии на обучение в США (Агентство по вопросам образования и культуры при Государственном Департаменте США, Отдел академических обменов посольства США). Среди *инструментов* внешней языковой политики стоит выделить стипендиальные программы на обучение и гранты на проведение исследований в США, программы академических обменов, а также работу с организациями социальной и культурной сфер в разных странах.

Проведённый нами анализ опыта США показал, что распространение английского языка в мире можно считать не столько результатом реализации внешней языковой политики, сколько результатом воздействия целого комплекса факторов и закономерных процессов развития технологии, экономики и гражданского общества. Однако данный вывод нельзя считать полностью справедливым, поскольку он не учитывает роль внешней языковой политики Великобритании в популяризации английского языка в мире.

Как показало проведённое исследование, при схожести целей внешняя языковая политика РФ, КНР и США

различается по степени централизации, а также использованию инструментов, выбор которых во многом определяется имеющимися в распоряжении ресурсами и текущими задачами. В зависимости от потенциала и источников «привлекательности» внешняя языковая политика может быть как *результатом*, так и *инструментом* политики «мягкой силы». При этом необходимо отметить, что первый сценарий ориентирован на достижения в разных сферах культуры, технологии, экономики и требует значительно больше времени, а соответственно, может рассматриваться как инструмент внешней языковой политики только с расчётом на отдалённую перспективу. В свою очередь, использование внешней языковой политики как действенного инструмента «мягкой силы» демонстрирует свою эффективность (на примере Китая). Реализация указанного подхода на сегодняшний день представляется оптимальным выбором для России и соответствует целям использования политики «мягкой силы».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. М.: Наука, 1977. 381 с.
2. Крутиков Е. «Мягкая сила» России оказалась слишком мягкой. [Электронный ресурс] // Взгляд.ру. Деловая газета. 2014. 9 декабря. URL: <http://www.vz.ru/> (дата обращения: 15.07.2015).
3. Лебединский С.И., Гербик Л.Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учебное пособие. Мн., 2011. 309 с.
4. Паниев Ю. Мягкая сила Владимира Путина // Независимая газета. 2012.10.07.
5. Положение о Федеральном агентстве

- по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (в ред. Указов Президента РФ от 13.11.2009 N 1285, от 27.12.2010 N 1622, от 04.01.2012 N 21, от 08.05.2013 N 476) [Электронный ресурс]. URL: <http://rs.gov.ru/node/243> (дата обращения: 23.01.2015).
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 июня 2011 г. №492 «О федеральной целевой программе «Русский язык» на 2011–2015 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://old.mon.gov.ru/files/materials/8717/11.06.20-fcpr.pdf> (дата обращения: 19.01.2015).
 7. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 ноября 2013 г. №992 «О Совете по русскому языку при Правительстве Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/41d49e446a37a844e7e2.pdf> (дата обращения: 19.01.2015).
 8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 декабря 2014 г. №2647-р [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/media/files/1EiDSUiCWXw.pdf> (дата обращения: 19.01.2015).
 9. Русакова О.Ф. Дискурс soft power во внешней политике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2012. № 4. С. 118–121.
 10. Рязанцев А. Кто мешает русской школе за рубежом? [Электронный ресурс]. URL: <http://russkiymir.ru/publications/86273/> (дата обращения: 19.01.2015).
 11. Хашимов Р.И. Очерки по языковой политике и культуре: монография. Елец: Елецкий гос. университет им. И.А. Бунина, 2003. 120 с.
 12. Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. Введение в социолингвистику: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1978. 216 с.
 13. A Brief Introduction of Teaching Chinese as a Foreign Language (TCFL) of China. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/s3917/201007/91583.html> (дата обращения: 21.01.2015).
 14. China attracts more overseas students in 2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.moe.edu.cn/publicfiles/business/htmlfiles/moe/moe_2809/201503/185164.html (дата обращения: 21.03.2015).
 15. Crystal, D. The Language Revolution: Themes for the 21st Century. Cambridge: Polity Press, 2004. 152 p.
 16. Gil, J. The Promotion of Chinese Language Learning and China's Soft Power // Asian Social Science. 2008. Vol. 4, № 10. P. 116-122.
 17. Language loyalties: a source book on the official language controversy / edited by James Crawford. Chicago: The University of Chicago Press, 1992. 522 p.
 18. Nye, Joseph S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991. 336 p.
 19. Nye, Joseph S. Smart Power. [Электронный ресурс] // Huffpost Politics. URL: http://www.huffingtonpost.com/joseph-nye/smart-power_b_74725.html (дата обращения: 21.01.2015).
 20. Nye, Joseph S. What China and Russia Don't Get About Soft Power. [Электронный ресурс] // Foreign Policy. URL: <http://foreignpolicy.com/2013/04/29/what-china-and-russia-dont-get-about-soft-power/> (дата обращения: 21.01.2015).
 21. The Office of Chinese Language Council International. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hanban.ca/hanban.php?lang=en> (дата обращения: 04.04.2015).